

Шэнь Янь чувствовал, что завеса тайны над этим миром начинает понемногу приподниматься. Бросив взгляд на стопку пожелтевшей бумаги, он окончательно убедился: изучение древних манускриптов было верным способом досрочно отправиться в могилу.

Чтобы проверить свои догадки, он негромко спросил Чжао Ко:

— А что есть бог в этом мире?

Существование божественных сущностей не вызывало сомнений — те же полубоги Виктор и Иси были тому живым свидетельством.

— На этот счёт ходит великое множество слухов, — отозвался Чжао Ко. — Одни твердят, что боги пришли из Пучины Снов и там же обитают. Другие и вовсе плетут небылицы, будто на берегу моря паслась корова, испила воды и разродилась богом. В общем, всякой чуши хватает.

Лицо командира сделалось серьёзным.

— Здесь, в Городе Наёмников, рассуждать о богах можно сколько угодно. Здешний люд верит лишь в силу предков, а к небожителям не питает особого почтения. Но в других местах, например в Фаньди, всё иначе. Там богам возносят хвалу, а любого, кто посмеет изучать их природу без дозволения, ждёт смертная казнь.

Шэнь Янь впервые услышал название другого города. Фаньди... Оплот веры и теологии?

Юноша хотел расспросить подробнее, но в этот момент в комнату вошли двое.

Один был глубоким стариком. Его глаза запали в глазницы, а кожа была настолько иссушена и покрыта морщинами, что трудно было разобрать, где складки, а где старые шрамы. Весь его облик выдавал человека проницательного, сурового и, несомненно, искущённого в интригах.

Второму на вид было не больше пятнадцати-шестнадцати лет. Выглядел он, мягко говоря, странно: на нём была белоснежная рубашка в готическом стиле, а у пояса покачивалась изящная рапира. В Городе Наёмников к одежде относились терпимо — здесь можно было встретить кого угодно, ведь призываемые из Пучины Снов герои принадлежали к самым разным эпохам. И всё же такой наряд казался чрезмерно вычурным.

Лицо юноши ещё хранило детские черты, но в его облике сквозила странная смесь меланхолии Харухи Судзумии, чеховской тоски и меланхолии древних поэтов. К тому же он был неуловимо похож на Чжао Ко.

«Вряд ли это его сын, — рассудил Шэнь Янь, — Чжао Ко не выглядит настолько старым, чтобы иметь такого взрослого отпрыска».

Вошедшие остановились. Чжао Ко прервал разговор и смерил их холодным взглядом.

— Только вы двое? — Он усмехнулся, и в этой усмешке сквозило неприкрытое презрение. — Впрочем, ожидаемо.

На лицах прибывших отразилась целая гамма чувств. Юноша вдруг занервничал, начал переминаясь с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке, будто совершил какую-то оплошность.

Старик же, быстро совладав с собой, заговорил:

— Вы, братья, не виделись целую вечность. Глава отряда велел мне привести его к тебе, чтобы вы могли пообщаться.

«Так это младший брат Чжао Ко?» — Шэнь Янь был заинтригован. Очевидно, командир имел тесные связи с этим влиятельным отрядом наёмников Верхнего района. Но почему тогда он перебрался в низы?

Старик тем временем продолжал, и в его голосе зазвучали хвастливые нотки:

— Чжао Лань год провёл на обучении в Фаньди. Посмотри, как он изменился, стал совсем другим человеком.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Слышал, в Фаньди недавно издали «Зерновой закон», чтобы обуздать цены. Чжао Лань, расскажи-ка брату, в чём его суть.

Шэнь Янь уловил тонкую иронию в словах старика, но, не зная подоплёки, предпочёл промолчать. Юноша по имени Чжао Лань выпрямился и начал:

— Согласно «Зерновому закону», принятому в Фаньди, цены на продовольствие должны оставаться стабильными и справедливыми, независимо от того, выдался ли год урожайным или случилась беда...

Шэнь Янь невольно изумился. Идея звучала красиво, но была слишком идеалистичной. Если порядки в Фаньди походили на те, что царили здесь, где производство зерна монополизировали несколько крупных группировок, подобный указ неизбежно привёл бы к хаосу. Пытаться откусить кусок от пирога тех, кто держит в руках власть и ресурсы, не имея силы для их

свержения — затея, обречённая на провал.

Чжао Ко грубо оборвал брата:

— Недавно я как раз был в Фаньди, закупал припасы. И знаешь, что я видел? Аристократы, владеющие зерном, просто перестали его продавать. Голодных смертей стало только больше.

Шэнь Янь мысленно кивнул. Именно так всё и должно было закончиться. «Зерновой закон» хорош на бумаге, но пока производство сосредоточено в одних руках, право устанавливать цену останется за монополистом.

— Сто лет назад в нашем городе пытались повернуть нечто подобное, — продолжил Чжао Ко. — Несколько крупных отрядов объединились и выпустили «Указ об охране общественного порядка», надеясь справиться с хаосом. И что в итоге? Не прошло и трёх лет, как наёмники по всему городу взялись за оружие. Это едва не изменило весь уклад жизни Города Наёмников.

Тогда улицы были запружены воинами. Повсюду гремела их песня: «Мы — наёмники, свободные наёмники! Ничто не заставит нас склониться, кроме духов наших предков!»

Благие намерения «Указа» разбились о реальность через три года. Причина была проста: верхушка отрядов заботилась лишь о собственной выгоде, не думая о простых воинах. Указ стал для рядовых наёмников лишь путами, не принося им никакой пользы.

Раньше Шэнь Янь считал Чжао Ко просто крепким и суровым мужиком, командиром небольшого отряда, склонным к жадности. Теперь же он понимал, что за этой личиной скрывается гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

— Тебе стоило бы больше интересоваться историей родного города, — отрезал Чжао Ко, глядя на брата. — Тогда бы ты сразу понял, к чему приведёт этот закон в Фаньди. И запомни: если ты нацепил на себя чужое платье, это не значит, что ты стал благороднее. Этикет аристократов Фаньди в Городе Наёмников не стоит и гроша.

Шэнь Яню показалось, что командир обошёлся с братом слишком сурово. Всё-таки родная кровь... С другой стороны, человеческая натура такова: люди изучают историю, но никогда не извлекают из неё уроков, раз за разом повторяя одни и те же ошибки, словно следуя проклятию.

Чжао Лань действительно был родным братом Чжао Ко, но от другой матери. Его мать происходила из знатного рода Фаньди. Но важнее было другое: Чжао Ко ушёл из Верхнего района в трущобы именно из-за интриг мачехи и её родственников.

Чжао Лань окончательно сник. Он выглядел как провинившийся школяр, которого публично выпороли за невыученный урок. Шэнь Янь даже почувствовал к нему мимолётную жалость —

настоящий «социальный суицид».

Старик кашлянул, переводя тему:

— Слышал, ты собрал каких-то калек из отряда и основал в низах этот ваш «Тигры и Леопарды». И как же ты нашёл время заглянуть к нам?

Он полагал, что Чжао Ко больше никогда не переступит этот порог. Возвращение командира наверняка заставило многих занервничать. Пусть никто из верхушки не явился сюда лично, можно было не сомневаться: сейчас они во все уши слушают доклады о каждом слове Чжао Ко.

При упоминании дела Чжао Ко заметно повеселел. Он протянул старику футляр с артефактом.

— Третий дядя, мне достался весьма недурной Священный артефакт. Я хочу обменять его на свою прежнюю реликвию.

Старик на мгновение опешил и тут же отрезал:

— Это невозможно. Даже если глава отряда согласится вернуть твой артефакт, другие группировки Города Наёмников костями лягут, но не допустят этого.

Чжао Ко будто и не слышал его.

— Ты хоть знаешь, что у меня в руках? Один из девяти великих артефактов, охраняющих государство... Драгоценный стяг с жемчужной шарирой династии Северная Сун.

Пока они готовились обсуждать условия сделки, старик велел Чжао Ланю вывести Шэнь Яня из комнаты.

Юноша чувствовал, что узнал сегодня слишком много интересного. В его глазах заплясали искорки любопытства — он был не прочь послушать сплетни. В этот момент его спутник внезапно заговорил:

— Что у тебя за шуры-муры с моим братом? Смахивает на какую-то гейскую чепуху.

Шэнь Янь едва не споткнулся от неожиданности. Теперь Чжао Лань смотрел на него сверху вниз, в его взгляде читались высокомерие и предвзятость. От того робкого юноши, что только что стоял в комнате, не осталось и следа.

Классический пример: одна маска для старших, другая — для всех остальных.

Шэнь Янь в гневе огляделся по сторонам. Где же Чжао Ко? Вот бы он вышел и приструнил своего двуличного братца! Проклятье... Такой юный, а уже бросается подобными словами.

Впрочем, командир задерживался, и Шэнь Яню пришлось отвечать самому. Он глубоко вдохнул и произнёс:

— Ты говоришь, целый год учился в этом своём Фаньди?

Чжао Лань пренебрежительно хмыкнул. Фаньди действительно расширил его кругозор, открыв мир аристократической культуры и теологии, совершенно непохожий на Город Наёмников. Всё новое и невиданное часто ошибочно принимают за прогресс, начинают слепо преклоняться перед ним и гордиться этим, даже не вникнув в суть вещей.

Шэнь Янь продолжал:

— Я слышал, в Фаньди дозволено лишь воспевать хвалу богам, а за любое сомнение карают смертью?

Чжао Лань скривился:

— Это их теология. Ты, небось, и книг-то в руках не держал, тебе не понять...

Шэнь Янь грубо прервал его:

— Коль нет свободы критиковать, то и похвала не имеет смысла. Усёк?

Слова прозвучали веско, а взгляд Шэнь Яня выражал искреннее сочувствие, будто он смотрел на законченного дурака.

— Хорошему ты там не научился, зато их лицемерие и гниль впитал на славу.

Шэнь Янь демонстративно отвернулся. Ишь какой выискался... Думает, если он не из этого мира, то не знает, как припечатать наглеца крепким словом?

Чжао Лань хотел было возразить, но почему-то замолчал. В словах Шэнь Яня чувствовалась какая-то глубокая, неоспоримая правда. Если бы юноша вырос в Фаньди, он бы яростно бросился на защиту своих идеалов. Но он вырос здесь, в Городе Наёмников, где с детства слышал грубые шутки воинов о богам. Нелепые истории о богам, рождённых коровами, он знал назубок. И пусть его мать каждый раз сурово пресекала подобное, рассказывая о божественном величии, окружение брало своё. В его возрасте, склонном к бунтарству, почтение к богам не могло быть искренним — в глубине души он и сам питал к ним изрядную долю скепсиса.

Шэнь Янь уже приготовился добавить ещё пару ласковых, но в этот момент из комнаты вышли Чжао Ко и Третий дядя. Чжао Лань мгновенно преобразился, став настолько паинькой, что у Шэнь Яня челюсть едва не отвисла.

«У этого парня талант к актёрству, честное слово, — подумал он. — В каких же условиях нужно было расти, чтобы так исковеркать свой характер?»

Шэнь Янь тихо спросил подошедшего командира:

— Ну как?

Чжао Ко лишь коротко кивнул. Вернуть прежний артефакт не удалось, но ему позволили выбрать любую реликвию из сокровищницы отряда взамен принесённой.

— Подождите здесь, — бросил старик.

Через полчаса, когда Чжао Ко и Шэнь Янь вошли в хранилище, командир не выдержал и горько усмехнулся. Юноша заметил на полу следы от недавно передвинутых тяжелых ящиков.

— Что не так? — шёпотом спросил он.

— Да ничего особенного, — отозвался Чжао Ко. — Просто они вывезли отсюда все ценные реликвии, оставив только этот хлам, который никто не может опознать.

<http://bllate.org/book/13411/1301682>